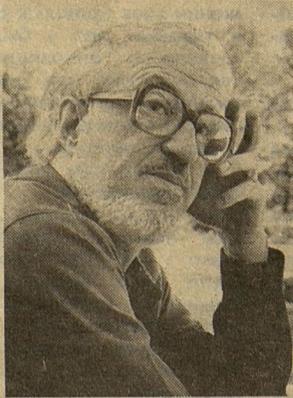

В конце прошлого года театральный обозреватель гавайской газеты «Стар-Бюллетин» писал: «В Молодежном театре Гонолулу состоялась премьера спектакля «Конек-Горбунок» — русской народной сказки, записанной в стихах Петром Ершовым 150 лет назад... Спектакль довольно длинный, но благодаря режиссуре и игре актеров действие развивается настолько динамично, что полностью захватывает внимание зрителей...
Зиновий Корогодский, бывший руководитель Ленинградского театра юного зрителя, всемирно известный режиссер детского театра, впервые приехал в США для постановки спектакля... Его режиссура остроумна и эффектна... С ним приехал его сын Данила, выступающий в качестве сценографа, художника по костюмам и переводчика».
Мы попросили профессора Зиновия Яковлевича Корогодского поделиться своими впечатлениями о работе с американскими мастерами детского театра.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

● 3. Корогодский во время репетиции.

НУЖНО ЛИ ОТКРЫВАТЬ АМЕРИКУ?

ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ по разным причинам (главная — «занят, нужен дома» — отвечали за меня) не мог отозваться на приглашения моих зарубежных коллег. «Перестройка мостит путь» — так озаглавили первое интервью со мной в Америке. Перестройка наконец-то дала возможность встретиться с театром для детей и молодежи в городе Гонолулу. Театр в Гонолулу — что там может быть? Какие-то Гавайи — курорт миллионов, пятидесятый штат Америки...

Я знал, знал с детства и до седых волос (опомнился поздно) — «мы первые и лучшие», а уж в «деле детской радости» — детского театра нам равных не было и нет. Детскому театру в Гонолулу уже сорок пять лет! И наперекор нашему высокомерию это хороший театр.

После премьеры, рецензий, общественного эха нелегко возвращаться к прожитому и пережить творческому процессу. Трудно освободиться от пристрастия: память еще сохраняет радостное чувство успеха, который может быть преувеличен. Лучше бы «человеку со стороны» рассказать о моей работе — не дома, в гостях — над нашей великой сказкой «Конек-Горбунок». А я работал и жил в «чужой» стране, ни на минуту не забывая о своей стороне, где так все бурно меняется и даже льется кровь. Поэтому все, что у них, воспринимал через наше драматическое прошлое, тревожное настоящее. Я был свободен.

Обычно в гостях напрягает «языковой барьер», но мне думается, что психологический, а значит, идеологический преодолеть труднее. Не настаиваю. Мои впечатления — частный, может быть, единственный случай.

Вспоминаю одну конфликтную ситуацию: актеру-дебютанту в главной роли Ивана кто-то из труппы сделал замечание, он обиделся аж до слез. Я репетицию остановил и пустился в нравоучительный монолог о взаимоуважении, но не был понят. Взаимоуважение, терпимость, такт — норма для американцев. Она не обсуждается. Моральные сентенции только оскорбляют — в личное вторгаться нельзя. «Прайвйт» — мое, личное, неприкосновенное — закон Америки всеобщий и на все случаи жизни. Я довольно часто не попадал в цель именно на границе общего и личного.

Станиславский еще в 1908 году(!) писал: «В обществе надо улыбаться, как это делают американцы. Они не любят наморщенных бровей». Надеюсь, театр прощад мне другое выражение лица (они очень сочувствуют нашей перестроечной ситуации) — рано еще улыбаться. Привыкать к новому самочувствию было нелегко. Сердиться нельзя — огорчение напрягает. Отрицательной оценки не понимают — сразу «скисают». Я старался, и все дружно помогали, утешая меня, если я мрачнел.

С недоумением слушал извинения театральной «конторы» за любую «накладку» в работе. «Контора» служит творцам, как об этом мечтали создатели МХАТ — без осложненной регаируют на их «прихоти». Только и слышал — «О'кей», что настораживало: не может же быть все и всегда «о'кей».

Однако серьезный конфликт возможен только на «профсоюзной основе»: нарушение графика работы, начало, конец репетиции, перерыв в ней. Дисциплина — это не только этика, но и деньги. У всех расписан каждый час дня. Служение детскому театру не может обеспечить средства для уровня американской жизни — деньги они делают не в театре, а на «совместительстве».

В Америке театр вообще, и детский тоже, — не самое денежное занятие — не престижное, как мы говорим. Это никого не унижает, нет комплекса обиженных — театром занимаются из любви, и таких «безумцев» много.

Каждая репетиция — работа и праздник. Не хочу подозревать моих новых друзей в инстинктивные чувства, они слишком доверчивы и простодушны. Хотя и в дружбе «грудь нараспаху» не откроют, и в «подпитии» не станут выяснять: «Ты меня уважаешь?». Пьющих и у них много, много наркоманов, и всего, что среди людей водится, но другое.

Портрет нации — влюбленные в свою страну до подозрительного кvasного и фанатического воодушевления. Такие уж они, эти американцы. Скольни чепухи нам про них, а им про нас наговорено! Они и мы — всякие и разные, но общего больше — прежде всего дружелюбие. Открытие не новое, однако... Другое открытие существование.

Государство не содержит, не субсидирует театры, даже детские. Парадокс, не украшающий богатейшую страну. Но «благотворители», озабоченные Детством, щедро вкладывают средства в новое поколение, с которым у них тоже немало хлопот. Театры живут на дарственном бюджете. Добывается он с большим трудом, и за него надо ответить перед советом спонсоров благоразумной организацией дела, уровнем работы. Благотворительность — общественная потребность. Она благотворна и почетна — участвуешь в добром деле и даже увековечиваешь свое имя, как любой меценат, но и выгодно. Так как дающий деньги на социальные и культурные программы освобождается от налогообложения.

Мы нервно и суетливо возрождаем милосердие, благотворительность, меценатство, а у них оно не умирает, на нем держится и процветает гражданская инициатива и причастность всех к богатству страны.

Если бы у нас государственную дотацию тюзам поддерживать благотворительной щедростью, то дети — надежда наша — действительно смогли бы стать «привилегированным классом». Кажется, «лед тронулся». Общественных фондов у нас могло бы быть меньше, но Детский должен быть главным и неисчерпаемым, чтобы гарантировать будущее всех планируемых перемен. Наш репертуарный детский театр, включенный в общую театральную орбиту, а не обслуживающий школу, вызывает

черную зависть «капиталистов». Им еще предстоит отвоевать искусство для детей у просвещенческих ведомств, и тогда, уверен, они одолеют прокатный и короткий век одного спектакля, который «убивается» не по художественным мотивам.

На первой встрече с актерами я спросил: «Что вы ждете от нашего общения?» И почти все в один голос: «Хотим узнать о русской театральной школе, «системе» Станиславского». Единодушно решили репетировать этюдный метод, о котором они столько слышали.

Их жадное желание понять нашу актерскую школу удивляло меня особенно. Они хотят знать о том, что мы давно сдали в «музей», о чем и говорить уже стесняемся, чтобы не прослыть ретроградами. Им не стыдно брать «чужое» и не стыдно учиться у других. Любопытство к нашему театру искушенных, живущих в комфорте, но не избалованных и «сытых» артистов и всех тех, кто их окружает, — мое главное открытие. Один дефицит у всех — уровень в профессии, и не только сегодня, а и завтра. Это единственная тревога. Тоже «открытие Америки».

Может быть, мне повезло: я ходил тропами, не хожеными нашими (их там легион) мастерами. Такое возможно допустить в рассказе о Гонолулу на Гавайях — «это где-то далеко», но в университетах Беркли, Гринсборо, Вашингтона, Нью-Йорка тот же интерес к нашему театру.

Молодые актеры, несомненно одаренные музыкально, пластически, душевно подвижные, но без «школы», (а таких много в Штатах), спрашивали: «Как попасть в театральную школу в Союзе?» Они считают ее одной из лучших в мире...

Ученическое самочувствие людей театра, видавших виды, — редкость, а когда их много — удивление. Американцам все интересно, для них нет осуждаемого прошлого, все сегодняшнее — и вчерашнее, и будущее. Может быть, поэтому у них легко возникает, пусть на один спонтанно или сезон, сообщество, «творческое братство», — союз единомышленников — исходное в студийности. Откуда у них наше «один за всех и все за одного»? Мы и это теряем и в театре, и в обществе озлобляемся, а потому быстро «стареем» — исчезают вера и романтизм.

В Америке я не разглядел проблемы возраста, борьбы молодых за свое право быть у власти и стариков, упрямо удерживающих ее. По моему, все решают способности и возможности личности. Все равны перед законом «естественного отбора» и диалектикой — все неизбежно постареет. Молодые с пиететом относятся к старшим, а старшие с уважением к молодым. И все — на «ты».

Америка — страна «взрослых детей», доверчивых, наивных, но бесстрашных, так как свободных. Пятьдесят каналов ТВ не убивают любознательность и неискренность. «Мир потребления». А какой выбор! Проблема выбора — главная проблема в Америке. От нее зависит каждый и вся страна — их «Ноев ковчег», где «всякой твари — по паре», но от тебя, только от тебя зависит, с кем ты и в какой компании.

Может быть, из-за большой межнациональной ситуации у нас, а может быть, борясь со стереотипом, внушенным с детства трагедией более чем столетней давности в книге Бичерстоу «Хижина дяди Тома», я все-таки не увидел в Америке отношения к человеку по национальному признаку, по цвету кожи или происхождению. Закон и культура общежития не позволяют это даже обсуждать. Хотя проблем много, но они связаны с защитой истинного интернационализма.

В группе «Конька» 12 актеров — японцы, немцы, китайцы, ирландцы... А чаще — пестрая смесь многих кровей, но все это американцы. Это главное чудо, трудное чудо Америки — ревнивое мое открытие.

Зиновий КОРОГОДСКИЙ.

7/1/90

Корогодский З.И.